

— Какая трата времени! — проворчал Дракон, кивнув подбородком в сторону одинокой могилы. — Смерть всегда так. Хамелеон молчаливо согласился. — Но не для этой группы, — Дракон усмехнулся мрачно, кивнув в сторону безымянного участка, где хоронили тех, кого стыдились, тех, кто был проклят: Пожиратели Смерти. Для Волдеморта уже было выбрано место — под большим дубом, вдали от других. Невыразимцы собирались повесить там кормушку для птиц — прямо над могилой змееуста. Маленькие пернатые могли бы наесться досыта и, в знак признательности, отдать Волдеморту особую дань, справляя нужду. — Этим людям досталось больше, чем они заслуживают, — сказал Дракон. — На днях мы здорово пополнили их ряды, — Хамелеон кивнул. — Рейф сам посадил полдюжины ублюдков. — Он — Невыразимец, — Дракон признал это просто, ожидая от своего друга не менее выдающихся качеств. — Так и есть, — Хамелеон согласился, без малейшей гордости в голосе. Оба принимали непосредственное участие в обучении Рейфа и гордились этим. Хамелеон перевел взгляд на приближающееся зимнее небо. — Рождество не за горами, — напомнил он своему другу и командиру. — Мы перейдем этот мост, когда придем к нему. Может быть, это будет подходящее время для похода за кубком Пуффендуча? Это может его отвлечь? — Он все равно ускользнет, — Хамелеон предостерег его. — Как бы близко он ни стал к некоторым из нас, это никогда не заполнит пустоту, — в его голосе прозвучали нотки разочарования. Дракон вздохнул. — Он боится полностью впустить нас в себя. Не могу сказать, что я его в этом виню. Ему просто нужно время и терпение. Вы все ему очень помогли, — с благодарностью сказал он. — Он был добр к нам, — Хамелеон ответил, но в его голосе прозвучал вздох недовольства. — Наверное, он еще устроит свое проклятое бдение на Рождество. — И это на Рождество? — выругался его командир. Хамелеон беспомощно пожал плечами. — Ты знаешь, о чем я... С каждым годом все хуже и хуже. Зачем он так себя мучает? — По той же причине, по которой мы все делаем то, что делаем... Ему не все равно. Он из тех редких людей, которые однажды отдают свое сердце навсегда. Мы не выбираем кровных родственников, и я напоминаю, что мальчику нужно принести этим милым Дурслям немного радости на Йоль. Хамелеон фыркнул. — Мы бросим жребий, как всегда, чтобы узнать, кому достанется это удовольствие в этом году. Дракон улыбнулся первой настоящей улыбкой с тех пор, как встал сегодня утром. Большую часть своего первого года мальчик провел в терапии. Когда он не тренировался, то работал над своими многочисленными проблемами. Несмотря на то, что на плечи мальчика легли все заботы, некоторые из них были связаны с его неуверенностью в себе и проблемами с самовосприятием, вызванными заботой Дурслей. Мало того, что ему приходилось справляться с чувством вины за попытку самоубийства, оставив друзей думать, что ему это удалось, или с желанием безумца убить его не по вине того, что он родился сукой Пророчества, и в конце концов ему пришлось выживать в чужом теле... мало того, ему приходилось решать проблемы, возникшие из-за многолетнего насилия и пренебрежения. За два года он проделал огромный путь, и все они очень гордились им. Они одновременно и гордились, и защищали его. Может быть, Гарри и выбрал путь, с которым нужно было справиться и двигаться дальше, но у Невыразимцев были свои проблемы, которые нужно было решить. Дурслям каждое Рождество и тридцать первое июля напоминали о глупости причинения вреда одному из них. С болью было легче справиться, когда было с кем её разделить. — Возвращаясь к нашей первоначальной теме разговора... — Дракон переориентировался. — Он не может или не хочет жить дальше, пока не убедится, что они это сделали. Да, он бьет себя по рукам, но и успокаивает себя тоже. Ему просто нужно знать, что с ними все в порядке, поэтому он проверяет их в те моменты, когда чувствует, что его больше всего тянет к ним, и не может больше бороться с этим желанием. Хамелеон горестно вздохнул. — Я не уверен, что кто-то из них сможет жить дальше, особенно сейчас. Не могли бы мы...? — Нет, — Дракон оборвал его, но не резко. — Нет, пока Волдеmort на виду. Я не стану ему служить, как эта старая свинья, манипулирующая Дамблдором; предполагаемый лидер светлых... Ба! Дракон скривил лицо и сплюнул на землю, чтобы показать свое презрение к этому человеку. — Он сломал мальчика, а потом имел наглость прийти и умолять исправить его, не столько ради мальчика, сколько для того, чтобы

успокоить собственное сознание вины. Если в мире есть хоть какая-то справедливость, он умрет в одиночестве и забвении, лежа в собственной моче!— Аминь, — добавил Хамелеон и добавил серьезно. После продолжительной паузы, во время которой они оба вздохнули с облегчением, когда Рейф наконец отошел от могилы девушки и позволил друзьям утешить его, Дракон поклялся. — Мы теперь его семья и всегда ею будем, но когда-нибудь, когда все это закончится, я хочу, чтобы он получил ту жизнь, которую заслуживает, не ту, которую ему навязывают, а ту, которую он сам выбирает и которой действительно хочет. Хамелеон кивнул, добавив: — Аминь. Пот ручьями стекал с его мокрых волос. Его фигура сияла от неустанных усилий. Теперь оставалась только планка. Вниз... Вверх... Вниз... Вверх... Вдох... Выдох... Вдох... Выдох... Каждый день начинался одинаково. Сначала он смирился с этим, но потом, когда мышцы запротестовали, а тело обессилело и стало болеть... он начал протестовать против своего положения. Протесты переходили в отчаяние, но его наставники продолжали упорствовать. Ни разу они не уступили его мольбам, ни разу не отступили в своих ожиданиях.

<http://tl.rulate.ru/book/104997/3690098>